

УДК 930
ББК 63.211
DOI: 10.46726/H.2021.1.10

А. В. Степанов

ВОСПОМИНАНИЯ Л. Б. ТВЕЛЬКМЕЙЕР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕМЬИ СРЕДНЕГО КЛАССА В ПЕТЕРБУРГЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

На основании мемуаров Л. Б. Твелькмейер (Розинг) исследован ряд аспектов повседневной жизни семьи педагога высшей школы в начале XX в.: жилище, питание, досуг, воспитание детей. Высказаны предположения о размерах доходов семьи. Отмечены черты её жизни, типичные и нетипичные для условного «среднего класса».

Ключевые слова: Борис Розинг, Петербург, российский средний класс.

A. V. Stepanov

MEMOIRS OF LIDIA B. TVEL'KMEIER AS A PIECE OF EVIDENCE ON DAILY LIFE OF A MIDDLE CLASS FAMILY IN EARLY 20TH CENTURY ST. PETERSBURG

Upon the reminiscences of Lidia Tvel'kmeier (Rozing), some aspects of daily life of a family of an early 20th century Russian university lecturer are studied, such as housing conditions, nutrition, leisure activities, upbringing of children. The author makes suppositions about probable family income level. Features of life that are typical and atypical of the "so-called middle class" are noticed.

Key words: Boris Rozing, Saint-Petersburg, Russian middle class.

Тема повседневной жизни российского среднего класса Серебряного века в новейшей отечественной историографии фактически только начинает изучаться. После десятилетий вынужденного интереса к жизни русского пролетариата, пережив в 1990-е годы всплеск увлечения социальной историей русской буржуазии, наша наука в начале нового века постепенно расширяет поле своего зрения, включая в него те слои общества, которые, не обладая ни значительной численностью, ни политическим влиянием, тем не менее сыграли заметную роль в процессе трансформации страны, происходившем столетия назад. Одной из таких «вновь открытых» социальных групп стал российский средний класс — пёстрое по сословному происхождению, образованию и профессиональной принадлежности сообщество людей, условно объединяемых, наряду с занятием интеллектуальным, а не физическим трудом, также уровнем и образом своей жизни [4, 11, 15]. В ту пору (как, впрочем, и позднее) именно образ повседневной жизни — от одежды и питания до обстановки жилища и способов проведения досуга — в наибольшей степени определял принадлежность людей к среднему классу, который в иных аспектах сохранял значительную внутреннюю неоднородность.

Мы исследуем один источник личного происхождения, который ещё не удостоился должного внимания историков. Это мемуары коренной жительницы

Петербурга Лидии Борисовны Твелькмейер, урождённой Розинг (1898—1980). Рукопись воспоминаний сохранилась в семье её потомков и впервые опубликована в 2008 г. К сожалению, публикаторы не прояснили историю создания этого труда; указывается лишь, что он был написан в 1975—1978 гг. Знакомство с текстом позволяет предположить, что автор не предназначала его для прижизненного издания (она, например, весьма подробно, хотя и *sine ira*, описывает преследования, которым её отец подвергся со стороны органов ОГПУ в 1931—1933 гг.); возможно, Лидия Борисовна видела читателями своих воспоминаний только близких ей людей. В работе она опиралась преимущественно на собственную великолепную память, а также использовала документы из личного архива: письма родителей и родственников, автобиографию отца и даже некие справочные издания. Жизни своей семьи в дореволюционном Петербурге Л. Б. Твелькмейер посвятила две трети текста; готовя рукопись к изданию, её публикаторы не обнаружили в этом разделе каких-либо фактических ошибок.

Яркие воспоминания сохранились у мемуаристки о родительском доме, точнее — о квартире в доходном доме № 32 по ул. Ямской: «Квартира наша была на 5-м этаже в хорошем, благоустроенном доме с солидными, состоятельными жильцами. Комнаты были высокие, большие, лестница с ковром и белой дорожкой» [14, с. 41]. По мнению Е. Д. Юхнёвой, парадная лестница «с ковром и швейцаром» считалась в те времена в Петербурге неофициальным признаком высокого статуса дома [16, с. 155]. Дом был построен в 1901 г., а Розинги сняли в нём квартиру в 1903 г. и проживали до 1917 г. Выбор адреса не был случайным: дом располагался поблизости от мест службы Бориса Львовича. Впрочем, по стандартам начала прошлого века квартира на верхнем, *пятом* этаже (в доме, где лифт появится лишь в 1983 г.) не считалась слишком престижной [16, с. 79].

Дом начинается с подъезда, и его описание у Лидии Борисовны выглядит едва ли не вариацией на тему «Собачьего сердца» Михаила Булгакова: «Внизу в каморке жил швейцар Василий, который принимал почту, помогал гостям мужчинам раздеться внизу, вечером запирал подъезд. Василий всех жильцов знал в лицо, да и по имени-отчеству тоже, так что никого постороннего не пустил бы» [14, с. 41—42]. Вдобавок к услугам портье и охранника, обитатель каморки под лестницей выполнял функции носильщика: Василий помогал жильцам выгружать вещи при возвращении с дач [14, с. 50].

Воспоминания Лидии Борисовны о квартире родителей точны и конкретны: «Из большой передней был вход во все комнаты: направо — папин кабинет, в одно окно во двор, гостиная и спальня, по два окна на улицу. Направо была еще дверь в столовую, довольно темную, с одним широким окном в дальнем углу; его внутренняя рама оставалась на зиму незамазанной, чтобы можно было ставить туда продукты. В кухне была загородка для прислуги и вход на черную лестницу» [14, с. 50]. К этим четырём комнатам родительской квартиры автор в дальнейшем прибавила ещё детскую [14, с. 51]. Заметим, что даже в доме, построенном в начале XX в., отдельных комнат для прислуги в квартирах не полагалось: «домашнему пролетариату» отводилось место за загородкой в кухне, возле двери на черную лестницу (утверждая обратное, Е. Д. Юхнёва [16, с. 192] возможно поторопилась).

Женский взгляд на комфорт жилища Серебряного века, брошенный из середины 1970-х гг., находит в нём изъяны: «Сейчас кажется, что жизнь в смысле быта была очень тяжелой. Мы не имели тогда ни газа, ни горячей воды, ни пылесосов, ни центрального отопления, ни холодильников; надо было

ежедневно топить пять печей, да еще ванную колонку, да плиту, которую топили каждый день, а иногда и два раза в день: обед ежедневно готовился свежий» [14, с. 54]. Немудрено, что мать мыла дочерей в домашней ванне один раз в неделю, а сама ходила в баню [14, с. 50]. Сам же глава семейства принимал ванну по-спартански: «Утром папа наполнял себе ванну водой из холодного крана. Затем он намыливался и с шумом нырял» [14, с. 57]. Впрочем, для Петербурга начала XX в. уже наличие в доме водопровода и канализации было немалым достижением, а ванну в относительно скромной квартире «под крышей» можно и вовсе считать роскошью [16, с. 136, 138, 197].

Л. Б. Твелькмейер указывает размер арендной платы, которая причиталась с её родителей: 90 руб. в месяц без дров [14, с. 56]. Однако подобная цифра (более тысячи рублей в год, «треть бюджета») вызывает некоторое недоверие. По сведениям современного исследователя, ставки арендной платы за пятикомнатные апартаменты на 5-м этаже в питерских доходных домах начала XX века лежали в пределах от 400 до 600 руб. в год, и даже в наиболее престижных районах не превышали 850 руб. [16, с. 108]. Другой автор, сам живший в ту эпоху, приводит сходную цифру: средняя арендная плата за квартиру из 3—5 комнат в Петербурге составляла в 1912 г. 441 руб. [7, с. 58]. Заметим, что память на цифры у Лидии Борисовны просто феноменальная: например, она безошибочно указала номер телефона родительской квартиры: 95—35 [14, с. 42; проверено по: 3, с. 768].

Пищу у Розингов готовили на дровяной плите, «чай пили из самовара, который не так-то просто было ставить; потом самовары заменили спиртовками, горевшими синим пламенем под чайниками и кофейниками тут же на столе в столовой». Впрочем, современная, более демократичная техника проникла и на кухню: «Еда подогревалась на керосинках, потом вытесненных примусами, которым долго не доверяли: а вдруг взорвется. Керосинки, правда, разводили иногда ужасную копоть, но было спокойнее» [14, с. 54].

Мемуаристка не могла обойти молчанием вопрос о том, чем питались в семье Розингов, тем более что её мать до замужества успела окончить «кулинарные курсы». «Когда собирались гости, мама блистала своим майонезом с омарами, заливным из рябчиков, судаком орли, волованами»; «летом мама делала свой знаменитый раковый суп, которым объедались наши дяди» [14, с. 53]. На ужин детям полагалось кипячёное молоко с кусочком шоколада «Гала Петер». «К утреннему кофе у нас всегда подавались небольшие французские батоны, очень закаленные и немного соленые», — вспоминала Лидия Борисовна [14, с. 55]. Деликатесами в доме Розингов считались такие кушанья, как сыр «бри» («к нему мы не притрагивались, ели швейцарский»), страсбургский паштет и ананас (его глава семейства покупал раз в году, на свои именины) [14, с. 53]. Очевидно, что экономить на съестных припасах Розингам не приходилось, хотя и особой роскошью в еде они не грешили. Тот же суп из раков, по крайней мере, по представлению автора «Книжки для молодых хозяек» (1907 г.), «весьма вкусен и стоит недорого» [13, с. 4].

Разумеется, что в доме, где готовили столь изысканные блюда, «стол к обеду и завтраку накрывали по всем правилам, с белой скатертью и салфетками; у нас не выкладывали большого количества ножей и вилок, так как обед был только из трех блюд, но с обязательным сладким» [14, с. 54]. И, конечно, плебейская водка «у нас в доме не водилась»: глава семейства любил рислинг, но и им не увлекался [14, с. 53].

Мемуаристка оставила весьма подробное описание обстановки комнат. Например, «в гостиной стояли два гарнитура: один с мягкими креслами

и диваном; другая мебель — довольно неудобная, ореховая, приобретенная позднее. Еще был круглый золоченый столик, мамин письменный столик, большое трюмо в простенке, пианино» [14, с. 50]. По нашему предположению, расставить два набора мягкой мебели, пару столиков, трюмо и пианино можно только в комнате площадью не менее 35—40 м².

В спальне старших Розингов «стояли традиционные никелированные кровати»; её обстановку дополняла «маленькая мягкая мебель, крытая кретонном. В углу стоял туалетный столик, задрапированный по моде того времени тюлем на розовой подкладке, а на нем — фарфоровый туалетный прибор» [14, с. 51]. В кабинете отца семейства, кроме письменного стола, имелись также «очень хороший секретер красного дерева» и «большой диван». Там же был установлен некий спортивный тренажёр: дочь Бориса Львовича запомнила, что по утрам из кабинета отца доносился «визг резины гимнастического аппарата» [14, с. 57]. Пол в одной из комнат устилала медвежья шкура «с головой и лапами» [14, с. 61]. Очевидно, что обстановка квартиры столичного интеллигента вполне заслуживает определения «буржуазная» и лишена примет демократического, или, тем более, показного аскетизма.

Под стать обстановке квартиры были и наряды её обитателей. «Папа очень следил за своей внешностью, был даже франтом, шил костюмы у лучшего портного, всегда в белоснежной крахмальной рубашке. Наши слуги с гордостью говорили: наш барин каждый день меняет рубашку; это им прибавляло работы, но внушало уважение», — утверждала мемуаристка [14, с. 57]. Из этой обмолвки Лидии Борисовны мы можем заключить, что численность домашней прислуги в её семье превышала единицу.

Вернёмся к воспоминаниям о нарядах: «Папа знал толк в вещах и денег не жалел. Раз папа купил мне в дорогом детском магазине чудесное синее осеннее пальто и серую велюровую шляпу; мама бы это ни за что не купила, но зато я пронесла его очень долго» [14, с. 56].

А вот как супруги Розинг одевались для выхода в свет: «Я помню родителей, отправлявшихся куда-нибудь на званый вечер или в театр: мама — в голубом муаровом платье, закрытом по самые уши, папа — во фраке. Мама накидывала ротонду на лисьем меху, на голову надевался вязаный капор, чтобы не испортить причёску, и они уезжали» [14, с. 58]. Очевидно, что и в своих туалетах эти представители столичного среднего класса не проявляли демократизма, которого можно бы ожидать от людей, живущих интеллектуальным трудом, а не рентой с фамильного поместья. При этом, по утверждению мемуаристки, все «дореволюционные преподаватели высших учебных заведений и даже профессура жили скромно, как и мы» [14, с. 55].

Интересны свидетельства Лидии Борисовны о способах проведения досуга, которые практиковались в семье её родителей. На первом месте тут стояло чтение. «В нашем доме читали много, и родителей было трудно представить без книги. Читали на ночь, и эту не совсем полезную привычку передали детям. Любили читать и за едой: если кто завтракал или обедал в одиночку, то обязательно с книгой. В детстве нам много читали вслух, но мы очень быстро выучились читать сами» [14, с. 52].

Мемуаристка удивительно подробно описала круг семейного чтения и его расширение по мере своего роста. Приобщение к литературе началось с детских журналов типа «Родник»; за ними следовали сказки Ш. Перро, Г. Х. Андерсена, братьев Гримм; следом наставала очередь современных русских писателей (или, точнее, писательниц — Лухмановой,

Лукашевич, Желиховской, «неизменной Чарской»). Отец читал дочерям произведения своих любимых авторов — Диккенса и Гоголя [14, с. 51—52]. Несколько странно, что девочки — пусть и дочери учёного-физика — в детстве «увлекались Жюль Верном»; куда логичнее, что сестра Лидии Таня «уже в восемь лет поглощала Чарскую в неограниченных количествах». Глава семейства пытался следить за кругом чтения своих дочерей: «Как-то он дал читать мне, уже почти взрослой, трилогию Мережковского, и в части “Леонардо да Винчи” были сколоты несколько страниц и написано: “Не читать!” Мне и в голову не могло прийти послушаться, и я до сих пор не знаю, что там было» [14, с. 52].

В этот традиционный мир семейных увеселений в начале нового века стремительно ворвался технический прогресс. Едва в Петербурге открылись первые синематографы, как сам Борис Львович и его дочери стали их заядлыми посетителями. «Можно сказать, я выросла вместе с кино. Первое мое знакомство с кино оказалось сильным шоком, я страшно испугалась и была ревущей вынесена из зала. Мне было пять лет, вероятно, но я быстро привыкла, и мы с папой ходили на все фильмы с Максом Линдером, Пат и Паташоном, невозмутимым Гарольдом Ллойдом и пр., а потом и с Чаплиным. С захватывающим интересом смотрели ковбойские фильмы ...» [14, с. 58]. Впрочем, Розинг-старший отчасти контролировал и это увлечение своих дочерей: «Сентиментальные фильмы с Мозжухиным и Верой Холодной я не помню; вероятно, на них папа нас не водил». Заметим, что ходил с девочками в кино сам их отец, не поручая это никому из домашней прислуги.

Зимой по воскресеньям отец брал дочь на каток. Родители Лидии, по её утверждению, были хорошими конькобежцами: Борис Львович умел танцевать на льду вальс и «кататься “голландским шагом”» [14, с. 58]. Отец также находил время, чтобы вместе с дочерьми совершать длинные прогулки вдоль набережных Невы, или по осени ездить на Каменный остров «шуршать листьями», а по весне — на Елагин остров «слушать лягушек» [14, с. 59]. Эстетическому воспитанию детей способствовали посещения — опять же в компании отца и по его выбору — выставок живописи, художественных музеев, концертов камерной музыки, оперных спектаклей Мариинского театра и «утренников» в Александринке [14, с. 62]. В этот список едва ли не стандартных в семьях столичной интеллигенции адресов «культпоходов» тоже вторгался бурный двадцатый век: Розинг возил дочь на окраину Петербурга смотреть полёты первых аэропланов [14, с. 60].

Прогулки с няней имели более традиционные, патриархальные маршруты: «вербные базары» и часовенки со святой водой, которой «няня нас обязательно поила, когда мы проходили мимо» [там же].

Воспоминания Лидии Борисовны о нянях и вообще о домашней прислуге заслуживают особого внимания: ровесники Серебряного века нечасто замечали эту «деталь интерьера» и ещё реже упоминали её в своих мемуарах. «Первой вспоминается мамина няня, Екатерина Николаевна. Это была очень умная, властная женщина, державшая в повиновении весь дом. У нее была прирожденная воспитанность, умение себя держать во всех обстоятельствах с достоинством» [14, с. 65—66]. Когда Екатерине Николаевне однажды показалось, что хозяйка дома ей не доверяет, няня немедленно ушла из него, и барыне пришлось уговаривать её вернуться на службу.

Вот другое воспоминание на ту же тему: «Наше семейство было связано с семьей Моисеевых из Ярославской губернии, которые стали для нас почти родными. Первой появилась няня Афанасия, вынянчившая нас всех

троих. Всегда в опрятном сатиновом платье, в белоснежном переднике и в чепце (сборки своих чепцов она всегда крахмалила и плоила особыми щипцами), степенная, удивительно уютная» [14, с. 66].

Идиллическую картину службы прислуги в семье Розингов завершает следующее утверждение Лидии Борисовны: «У нас ничего не запиралось, может быть, только деньги и драгоценные вещи, уж во всяком случае не еда. К прислуге относились с уважением, всем говорили “вы”, но всё же дистанция соблюдалась, никогда не было фамильярности, были барин и барыня, и каждый знал своё место. Нам не позволялось дерзить или делать замечания прислуге, и следовало благодарить за всё» [14, с. 67]. Хочется верить, что всё обстояло именно так, хотя у иных россиян того века сложилось противоположное мнение о своих домработницах [9].

Представляют интерес суждения Лидии Борисовны о политических взглядах своего отца. «Отец был далек от политики, но, конечно, возмущался политикой царского правительства и министерской чехардой, которая не сулила ничего хорошего. Общественная деятельность отца выражалась в пропаганде научных знаний: он охотно читал лекции в рабочем университете, писал и издавал популярные книги по физике, которые были понятны совсем не искусственным в науке людям. Его девиз был: знания в народ. Февральская революция была им встречена с удовлетворением, как и большинством интеллигенции, как единственный выход из создавшегося тупика. Но военная капитуляция ему казалась невыносимой» [14, с. 71]. Показательно, что мемуаристка не помнит, чтобы до революции в её доме читались газеты или велись споры на политические темы. Насколько такой аполитизм был типичен для столичной среднеклассной академической интеллигенции, судить трудно.

Легче судить о том, какую роль в жизни семьи Розингов играла религия. Главные праздники православного церковного календаря в доме отмечались, и соответствующие церковные службы посещались. При этом по крайней мере сама мемуаристка — в те времена юная девочка — относилась к ним с должным почтением. «Торжественно проходила Пасха. На вербной неделе мы говели, это с мамой, в домово́й церкви Первой мужской гимназии. Почти не освещенная церковь, тишина, очередь из дам и детей к ширмочке, за которой слышен взволнованный шепот и тихий голос священника: “Аз, смиренный иерей, властью, мне от Господа Бога данной...”, и идет следующий. Наконец и моя очередь. С замиранием сердца выкладываю свои немудреные грехи, потом священник читает молитву, закрывая мне голову эпитрахилью, и охватывает такое чувство облегчения!» [14, с. 61].

Не менее эмоционально воспринималось другое церковное таинство: «Надеваем полный парад, всё белое, и отправляемся к причастию... С трепетом проглатываешь причастие с золоченой ложечки и запиваешь теплым вином с водой из маленького ковшичка, которых множество стоит на подносе. И в школу в этот день не ходили законно — были у причастия» [14, с. 61—62].

Должным образом отмечался в семье Розингов праздник Пасхи. Готовиться к нему начинали с четверга на Страстной неделе: «В четверг ходили на двенадцать евангелий, которые трудно было все выстоять. Домой шли с зажженными свечами в особых фарфоровых держалочках, и от донесенного огонька зажигали свечи перед образами, которые у нас были во всех комнатах в правых углах, лампадки зажигались только перед Пасхой» [14, с. 62]. Заметим, что в доме столичного естествоиспытателя, работавшего над передачей изображения по проводам (над задачей, решить которую удастся только

через 20 лет!), в красном углу *каждой комнаты* имелись *образа*. Финалом пасхальных торжеств было само Светлое Воскресенье: «Когда мы были малы, к заутрене нас не брали; мы ложились, как обычно, спать, а родители, вернувшись, нас будили. Не было случая, чтобы кто-то не захотел встать и пропустил разговление. Когда подросли, ездили с папой в домовую церковь Константиновского училища, где было очень парадно» [14, с. 62].

Таким образом, об атеизме, безверии или религиозном индифферентизме семьи петербургского учёного говорить не приходится. По крайней мере в деле соблюдения обычаев Розинги вели себя так, как предписывала православная церковь, хотя, возможно, и без особого рвения. Их приверженность религиозным традициям проявилась в трагические часы, последовавшие за смертью младшей сестры Лидии Борисовны — Тамары, скончавшейся в апреле 1917 г. от дифтерита: над телом ребёнка монашка творила чин погребения [14, с. 73]. О сохранении обычаев веры свидетельствует и главный в семье зимний праздник: Розинги отмечали не встречу Нового года, а Рождество — с нарядной ёлкой, подарками, «рождественскими угощениями» (орехами, финиками, пряниками и леденцами), приёмом гостей с детьми и поездками по родственникам [14, с. 61]. Даже проживая летом на загородной даче, Розинги (или, по крайней мере, их дочери) по воскресеньям ходили через речку в соседнее село «к обедне» [14, с. 47] и «часто ездили в женский монастырь на большом озере» [14, с. 48].

Повседневную жизнь семьи Б. Л. Розинга, описанную его дочерью, вряд ли можно считать абсолютно типичной для всего среднего класса имперской столицы. Вероятно, далеко не всем супругам удавалось так гармонично разделить между собой домашние обязанности: «Папина забота была дать деньги на хозяйство, а как их истратить — было мамино дело, и делала она это очень разумно, записывала все расходы и из бюджета не выходила» [14, с. 55]. В подобной практике можно усмотреть что-то немецкое, излишне педантичное; однако надо признать, что она приносила полезный результат.

Единственной основой этой идиллии служили заработки Б. Л. Розинга. В 1900—1910-е гг. он преподавал в трёх образовательных учреждениях: Технологическом институте, Константиновском артиллерийском училище и на Женских Политехнических курсах. Ученик Бориса Львовича — знаменитый В. К. Зворыкин — утверждал в «Автобиографии», что в 1900-х гг. Розинг работал ещё в Главной палате мер и весов [17, р. 24]. Однако других свидетельств этому нет; возможно, Зворыкин ошибся: здание Главной палаты соседствовало в Петербурге с комплексом построек Артиллерийского училища. Заметим, что ни в одном из мест работы Розинг не числился *профессором*: в Технологическом институте он занимал должность преподавателя электрометрии [5, с. 199], в училище служил штатским лектором [14, с. 105]. На Женских курсах он стал деканом факультета, но профессором не состоял и там [5, с. 242].

Оклады жалования преподавателей столичного *государственного* вуза Серебряного века можно представить на основании «Памятной книжки Императорского Археологического института» на 1911 г. Его «постоянные преподаватели», имевшие степень доктора и чины IV—V классов, получали в год от 300 до 1000 руб. (в среднем — 650 руб.) [8, с. 13]. Более щедро оплачивался труд преподавателей Демидовского лицея (г. Ярославль), который считался «почти университетом»: например, в 1908 г. его доценты и приват-доценты в чинах VII—IX классов получали по 1440 руб. в год, и даже «лектор» с чином VI класса получал 1000 руб. [10, с. 59—60].

Вознаграждение за службу преподавателя *негосударственного* учебного учреждения (НОУ) можно оценить по примеру Высших Женских курсов в Варшаве. Там в 1912—1913 году оно составляло от 700 до 1000 руб. [6, с. III—V, X—XI]. Возможно, работа сотрудника Политехнических курсов в Петербурге оплачивалась щедрее: своим бюджетом они превосходили тот же Археологический институт вшестеро, а числом преподавателей — лишь вчетверо [12].

Впрочем, понятие финансового благополучия весьма растяжимо: судя по тому, что в 1895 г., когда «кандидат университета» Б. Л. Розинг служил только в Технологическом институте [1, стб. 715], он с женою уже снимал квартиру в новом пятиэтажном доме [1, с. 343] по соседству с профессором С. Ф. Платоновым, — жалования супруга молодой семье хватало; искать дополнительный заработок, вероятно, пришлось, когда в ней появились дети. Тогда Борис Львович и «взял» место в Артиллерийском училище.

Женские курсы в Варшаве могут также служить ориентиром для определения объёма учебных поручений преподавателей начала прошлого века. Там ординарный профессор вёл занятия по 2—3 часа в неделю [6, с. 10], экстраординарный профессор — по 4 часа [6, с. 11]. Нагрузка их коллег не выходила за эти же рамки [6, с. 100, 105, 109]. То, что и в столице России нагрузка преподавателя была не больше, косвенно свидетельствует сама Лидия Борисовна. Вспоминая службу отца в Артиллерийском училище, она писала: «Лекций было мало, и он мог спокойно работать и для себя. Немудрено, что он держался за училище, дававшее ему такие возможности» [14, с. 59].

Повседневная жизнь семьи Б. Л. Розинга демонстрирует двойственную природу российского среднего класса начала XX века. По уровню комфорта занимаемого ими жилища, по качеству питания, по способам проведения досуга, а, главное, по характеру и интенсивности трудовой деятельности главы семейства, Розинги вполне укладываются в «среднеклассные» рамки: всё у них не бедно, но и не роскошно. Этим же рамкам соответствует состав семьи: пожилые родители супругов живут отдельно от своих взрослых детей, а те, в свою очередь, ограничили собственные репродуктивные усилия тремя дочерьми (для сравнения: у В. К. Зворыкина, который был старше Лидии Борисовны на 10 лет и происходил из семьи богатого провинциального купца, имелось 11 братьев и сестёр [17, р. 1]).

Розинги не стремятся вверх по социальной лестнице. Они не жалуются на тесноту квартиры, хотя в ней отсутствует, например, такой атрибут подлинных «барских апартаментов», как будуар — женский аналог кабинета супруга, да и единственная детская комната для трёх девочек маловата. Борису Львовичу и его жене не приходит в голову мысль обзавестись собственным выездом, тем более — автомобилем. Их планы купить заброшенное имение в деревенской глуши пришлось отставить из-за нехватки денег, хотя продавалось оно «что-то очень недорого» [14, с. 49]; так и не став помещиками, Розинги остались скромными дачниками. При этом они не экономят на своих детях, например, отдают их в дорогие частные школы, и не перекаладывают заботу о воспитании дочерей на плечи одних лишь нянь (как нередко практиковалось в домах высшей знати). Глава семьи далёк от политики и видит своё служение обществу в сочинении научно-популярных брошюр для народа.

Однако важного качества полноценного среднего класса — независимости от государства, социальной самодостаточности — Б. Л. Розингу (а, следовательно, и его семье) ещё не хватает. Два из трёх мест его службы — это типично казённые учебные заведения, жившие «на широкую ногу», в частности

готовые предоставлять своим даже не «остепенённым» сотрудникам средства для малоперспективных научных исследований. Женские курсы, где также работал Борис Львович, открылись при его активном участии в 1906 г. и были типичным НОУ, хотя их директор Н. Л. Щукин служил «по совместительству» товарищем министра путей сообщения [14, с. 49]. Однако Курсы могли успешно работать лишь благодаря упорному отказу государства допустить женщин в традиционные вузы. Как долго мог сохраняться наплыв на Курсы девушек, готовых заплатить 750 рублей за пять лет учёбы [5, с. 343], не получая даже при успешном её окончании диплом официального образца [12], можно только гадать. «Встроенность» Б. Л. Розинга в государственную структуру иллюстрирует также его стабильный рост в классных чинах: в 1907 г. он — надворный советник [2, стб. 476], а в 1912 г. — уже статский [3, с. 768].

Список литературы

1. Адресная книга города С.-Петербурга на 1895 г. / сост. И. О. Яблонский. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатная, 1895. 1272 с.
2. Весь Петербург на 1907 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А. С. Суворина, Б. г. 813 с.
3. Весь Петербург на 1912 год. Отдел III. Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга. 1912. 1065 с.
4. *Иванова Н. А.* Формирование среднего класса в Российской империи конца XIX — начала XX в. Теория и конкретика. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 294 с.
5. Новейший путеводитель по С.-Петербургу. СПб.: Типография АО «Герольд», 1911. 292 с.
6. Отчет о состоянии Варшавских Высших Женских курсов за 1912—1913 акад. год (4-й год существования). Варшава: Типография «Русского о-ва», 1914. 169 с.
7. *Пажитнов К. Н.* Экономический очерк Петербурга // Петербург и его жизнь. СПб.: Типография бр. В. и И. Линник, 1914. С. 39—71.
8. Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге. 1878—1911 / сост. П. С. Яковлев. СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1911. 100 с.
9. *Самарина Л. А.* «Мерзавцы всё крали»: воровство среди домашней прислуги в России втор. пол. XIX в. // История повседневности. СПб., 2017. № 1 (3). С. 77—88.
10. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 г. / сост. А. П. Морозов. Ярославль: Типография губ. правления, 1908. 145 с.
11. *Степанов А. В.* Средний класс Иваново-Вознесенска в начале XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. № 3 (4). С. 22—30.
12. *Степанов А. В.* «Старые» и «новые» вузы Петербурга 1900-х гг. по материалам справочных изданий // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 41—54.
13. Сто двенадцать обедов. Книжка для молодых хозяек. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1907. 128 с.
14. *Твелькмейер Л. Б.* Мой отец и его окружение // Нестор: журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2008. № 12. С. 11—142.
15. *Экитут С. А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 426 с.
16. *Юхнёва Е. Д.* Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. 3-е изд., испр. и доп. М.: Центрполиграф, 2012. 383 с.
17. Iconoscope: An Autobiography of Vladimir Zworykin. URL: <http://www.davidsarnoff.org/vkz-chapter02.html>. (дата обращения: 18.08.2020).